

Пономарев Михаил Викторович
УСКОРЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР
СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института права и управления ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Института истории и политики ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет», кандидат исторических наук, доцент, г. Москва,
Российская Федерация, mvp2002@list.ru

Понятие «социальное государство» является одним из наиболее значимых в категориальном аппарате юридической науки, современном медийном пространстве и массовом сознании. Институт социального государства считается неперменным атрибутом конституционной «архитектуры», обеспечивающим не только интеграцию массивов отраслевого законодательства, но и политическую направленность законодательной деятельности. Исключительно велико доктринальное, аксиологическое значение этого правового института. Однако и в научной публицистике, и на уровне обыденных умонастроений социальное государство зачастую воспринимается лишь как система перераспределения общественных благ, призванная обеспечить достойный уровень жизни граждан, защиту интересов уязвимых групп населения, торжество социальной справедливости в различных сферах общественной жизни. При всей значимости подобных установок их абсолютизация становится фактором риска: представление об априорной ответственности государства за благополучие своих граждан может стать источником социальной инфантильности, деформации ценностно-мотивационных установок людей, фактором распространения протестных настроений. Не меньшей угрозой является и этатизация – гипертрофированное усиление социально-политической роли государства как гаранта «общественного блага», превращение его в самодостаточную властную корпорацию. Преодоление таких рисков требует четкого понимания исторической природы и базовых функций социального государства.

В самом широком смысле «социальным» является любое государство – происхождение и развитие этого института неотделимо от процесса исторического развития социума, а властные функции прямо или косвенно взаимосвязаны со всеми аспектами общественной жизни. В качестве особой конституционной характеристики социальный характер государства был признан во второй половине XX в. (соответствующее понятие де-юре впервые было закреплено в Основном законе ФРГ

1949 г.). Но ретроспективный анализ показывает, что закрепление расширенной компетенции государства в сфере регулирования социально-экономических отношений происходило постепенно еще с середины XIX в., когда возникло понятие «социальное законодательство». Первым примером закрепления расширенной социальной компетенции государства в тесной взаимосвязи с его правовым и демократическим характером стала Конституция Германского государства 1919 г. С середины XX в. такой подход является лейтмотивом в развитии конституционализма. Косвенное закрепление он получил и в системе международного права. В итоге сложилось вполне обоснованное представление о том, что «появление термина «социальное государство» явилось принципиальным моментом осознания изменений природы государственности, перехода от «полицейского» государства и «государства общественного договора» к государству, осуществляющему социальные функции» [2, с. 62]. Однако признание активной социальной роли государства может стать основой и для целого ряда спорных теоретических обобщений.

Во-первых, прямая ассоциация становления социального государства с развитием «социального законодательства» под эгидой принципа социальной справедливости смещает доктринальное обоснование этого института в сферу «левого» общественно-политического дискурса. Отсюда и политизированные представления о конституционных социальных гарантиях как «исторических завоеваниях трудящихся» в противовес «антинародному» характеру капиталистической экономики. Совершенно очевидно, что такой подход не только не является продуктивным в современных условиях, но и противоречит исторической логике – классовая борьба не была причиной формирования конституционного института социального государства, хотя и сыграла в этом процессе определенную роль. Что еще важнее, эта позиция противоречит самому смыслу идеи социального государства как института, призванного консолидировать нацию, а не обеспечить главенство интересов тех или иных групп населения. Во-вторых, критику вызывает прямая ассоциация социального характера государства с обеспечением «всеобщего благосостояния» и соответствующей политикой «справедливого» перераспределения национального дохода. Помимо рисков социальной инфантильности и этатистского патернализма идея гарантированного государством «всеобщего благосостояния» уязвима и в экономическом плане – по своему происхождению она тесно связана с неокейнсианской стратегией стимулирования совокупного потребительского спроса как фактора бескризисного развития рыночной экономики, что является

«вчера» для современной теории и практики макроэкономического регулирования. И, наконец, в-третьих, спорной в современных условиях выглядит нарочитая взаимосвязь института социального государства именно с экономической политикой. Представление о «социальной политике» как о мерах по повышению материального благосостояния граждан, обеспечению «справедливости» в трудовых отношениях, развитию страхового и пенсионного обеспечения, искоренению бедности, предоставлению доступного по стоимости жилья и транспорта имеет вполне определенную основу – оно отражает характерную для индустриального общества зависимость социального статуса и социальной стратификации от отношений собственности, труда и потребления. В таком контексте задачей «социальной политики» действительно является корректировка уровня материального благосостояния граждан, что ведет и к трансформации всей социальной «архитектуры» общества. Но в условиях постиндустриального развития факторы социализации личности и стратификации общества становятся гораздо более сложными, на первое место выходят «постматериалистические» формы социальной мотивации и активизма (по терминологии Р. Инглхарта [1]). Тем самым, должна меняться и «зона ответственности» социального государства. Так, проблемы национальной идентичности, межкультурных коммуникаций, гендерных отношений, информационной открытости, академической мобильности становятся не менее значимыми ориентирами «социальной политики», нежели проблемы бедности, трудовой занятости и пенсионного обеспечения. Но такое беспрецедентное расширение функций социального государства заставляет особенно остро поставить вопрос о сущности этого института, его главенствующих задачах.

В попытке найти ответ на поставленный вопрос необходимо вернуться к эпохе становления парадигмы «социальной политики государства». Что заставило политические элиты ведущих стран мира во второй половине XIX в. перейти к реформам, направленным на полномасштабные изменения системы социальных отношений собственности и труда? Если оставить «за скобками» протестный активизм зарождавшегося социалистического движения, то в идейно-политическом контексте такие меры выглядят чрезвычайно спорными: с точки зрения и классического либерального мышления, и консервативного традиционализма они нарушают естественное развитие общества, насаждают искусственные формы социальности и провоцируют появление еще более радикальных проектов «справедливого переустройства общества». Для перехода к «системной» социальной политике требовалось нечто большее,

чем реакция на вспышки протестного движения или гуманистическое философствование – речь действительно шла о пересмотре политической роли государства в условиях перехода общества на новую ступень модернизационных процессов.

Понятие «модернизация» используется для обобщающей характеристики исторического процесса, связанного с переходом от традиционного общества к индустриальным, а затем и постиндустриальным формам общественных отношений. Это исключительно многогранный процесс, включающий и разнообразные институциональные изменения, и закрепление новых форм социального мышления, и радикальное обновление поведенческой, коммуникативной, когнитивной культуры. При всех своих противоречиях модернизация формировала общество, на порядок более эффективное в возможностях экономического роста, интеллектуальных и технологических новациях, пространственной экспансии. Во второй половине XIX в. этот фактор окончательно стал определяющий для всемирно-исторического процесса, поставив даже мощные евразийские империи перед жестким выбором: либо реализация стратегии «ускоренной модернизации», то есть проведение системных реформ, направленных на форсированное развитие «современных» форм общественных отношений, либо превращение в зависимых субъектов мировой политики с вероятностью утраты суверенитета и распада культурно-исторического ядра. Реформы «ускоренной модернизации» осуществлялись в самых разнообразных вариациях и с разной степенью успешности. Но, предельно схематизируя, их алгоритм можно сформулировать следующим образом: потребность в защите национального суверенитета предполагает, как минимум, модернизацию вооруженных сил и военного производства; эта задача, в свою очередь, требует перехода к рыночной экономике как наиболее продуктивной, а развитие рыночных форм экономических отношений невозможно без преодоления сословных традиций, стимулирования урбанизационных процессов, радикального реформирования законодательной базы и судопроизводства; эти изменения требуют пересмотра основ системы образования на всех ее уровнях, а последующий рост социального активизма населения ставит задачу хотя бы умеренной демократизации политической системы, развития многопартийности и медийного пространства. Причем, все эти масштабные преобразования должны быть проведены именно форсированно, в условиях «ситуации вызова» на международной арене и, фактически, на протяжении жизни одного–двух поколений, вступая в противоречие с культурной традицией, национальным менталитетом, поведенческими стереотипами, гендерными ролями, межпоколенными

отношениями. Инициатором, идеологом, организатором, инвестором таких реформ может выступить только государство. И речь идет не просто о функционировании системы властных институтов на «новом уровне», а о консолидированной «политической воле» государственной элиты, в идеале еще и сплоченной вокруг харизматического лидера. В такой ситуации государство оказывается в необходимой степени дистанцировано от общества и способно осуществлять системные реформы, совершенно небесспорные для обычного человека, болезненные для многих социальных групп, губительные для патриархальной традиции, но необходимые для модернизационного «исторического рывка».

В условиях таких системных преобразований, радикально меняющих все сферы общественных отношений, и формируется институт социального государства – государства, которое не только выполняет те или иные «социальные функции», но и берет на себя ответственность за разработку и реализацию прорывной стратегии национального развития. Ключевым критерием эффективности его действий становится не «средневзвешенная» социальная справедливость и не рост материального благополучия граждан, а рывок в формировании новой исторической социальности общества, продуктивный ответ на «ситуацию вызова», будь то обострение борьбы на международной арене, ускорение темпов технического прогресса, диспропорции культурного пространства или межцивилизационные конфликты.

Исторические уроки эпохи становления института социального государства чрезвычайно актуальны в начале XXI в. По сути, мы наблюдаем тот же алгоритм «ситуации вызова», требующей активных мер со стороны государства по радикальной перестройке всей системы социальных отношений. История подсказывает и риски этого процесса. Стремление сделать общество более эффективным толкает к «либеральным» реформам – это касается и полномасштабного развития всех институтов рыночной экономики, и обеспечения правовой защищенности собственности, и реализации потребности в независимом правосудии, и внедрения парадигмы «открытого образования». Но чем успешнее такие реформы, тем неизбежнее становится нарастание центробежных тенденций в обществе. Отсюда классический рецепт, сформулированный столетие назад Борисом Чичериным: «Либеральные меры и сильная власть». Эту идеологему либерального консерватизма можно рассматривать как рефрен политики ускоренной модернизации – «сильная власть», то есть социально ответственное государство является инициатором «либерализации», а не ее оппонентом, гарантом сбалансированности и эффективности модернизационных реформ, а не сдерживаю-

щим фактором. Но цель социального государства не связана с реализацией либерального проекта как такового (понятого в духе либертарианства). Ускоренная модернизация является национальным ответом на «вызов современности», а потому не может быть достигнута за счет отказа от собственной культурно-исторической самобытности. Отсюда второй идеологический вектор политики ускоренной модернизации – социальный консерватизм, обосновывающий важность национальной консолидации, политики идентичности, возрождения исторической памяти, геополитического позиционирования страны как не менее значимых ресурсов ответа на «вызов современности», нежели «либеральные меры». Именно баланс между либерал-консервативной и социал-консервативной стратегией способен создать современную модель социального государства. Альтернативой ей является технократическое маневрирование перед всеми новыми и новыми «рисками» и «вызовами» с угрозой растворения культурно-исторического ядра нации в глобалистской версии «общества потребления».

Библиографический список

1. Инглхарт, Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как этот меняет мир / Р. Инглхарт. – М.: «Мысль», 2018. – 347 с.
2. Калашников, С.В. Функциональная теория социального государства / С.В. Калашников. – науч. изд. – М.: «Экономика», 2002. – 190 с.

***Симановский Сергей Иванович* СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**

Доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь, simanovskiy@gmail.com

Социальное государство – одна из великих идей, сыгравшая неоценимую роль в предотвращении социальных конфликтов, гармонизации общественных отношений, установлении справедливых отношений государства, общества, человека и его прав.

Для реального обеспечения прав человека необходимо не только формирование гражданского общества в целях свободного самовыражения и саморазвития индивида и правового государства для юридической защиты этого общества, но также и создание специального механизма, обеспечивающего всемерное развитие социальной сферы – жизненного пространства личности.

Социальную сферу повседневной жизни индивида следует рассматривать как важнейшую область его жизнедеятельности, ибо